

С. В. Франц, В. А. Франц
Екатеринбург, Россия

МЕТАМОРФОЗЫ ВОЙНЫ: МОЛЧАЛИВЫЙ ЯЗЫК «ЧИСТЫХ» СОБЫТИЙ

АННОТАЦИЯ. В свете последних трагических событий, связанных с эскалацией террористического насилия, авторы статьи актуализируют ряд политико-философских идей французского философа Жана Бодрийяра. Стремительное увеличение количества террористических актов во всем мире полностью соответствует предсказаниям философа относительно будущего западной цивилизации и ее взаимоотношений с мусульманским миром. При этом Ж. Бодрийяр в своей философии высказывает оригинальный взгляд на причины такого положения вещей и возможный способ его изменения. Существование общества в состоянии «Символического обмена» философ называемым социальным пактом, представляющим собой естественное взаимодействие «иных», еще не регулируемое какими-либо властными предписаниями, имеющее характер состязания, игры и взаимного вызова. На этой стадии власть еще разыгрывается прямо и открыто. Эта социальная игра обратимости прекращается с формированием диалектики господина и раба, где обратимость власти уступает место диалектике ее воспроизводства. Единственным способом изменения текущей геополитической ситуации и противодействия терроризму Ж. Бодрийяр считал как минимум использование против террористов ироничных и реверсивных по своей сути символических стратегий, аналогичных тем, которые используют они сами, а как максимум — перестройку всего западного общества в соответствии с логикой «Символического обмена». Это означало бы пересмотр ряда базисных конструктов, на которых в настоящий момент нанизана «плоть» западной культуры, в частности, отношения к агрессии, толерантности, силе, безопасности, риску и многим другим феноменам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: симуляция; «символический обмен»; терроризм; «Другой»; «чистое» событие; псевдособытие; зло; принцип всеобщности; власть; «отличие».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Франц Светлана Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: lanakazakova2009@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Франц Валерия Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина; 620151, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: val-franc@yandex.ru.

В свете последних трагических событий, произошедших во Франции, Турции, на Мали и во многих других местах планеты, актуализируются политико-философские идеи французского философа Жана Бодрийяра. Эскалация террористического насилия во всем мире полностью соответствует предсказаниям философа относительно будущего западной цивилизации и ее взаимоотношений с исламским миром.

Еще после теракта 11 сентября 2001 г. в США Ж. Бодрийяр предсказал, что в дальнейшем уровень терроризма в мире будет неуклонно расти и что террористическое насилие станет для представителей экстремального ислама основным средством войны с западным миром.

Наиболее очевидным и приземленным ответом на вопрос о причине такого положения вещей, на первый взгляд, является тот факт, что подобный способ ведения военных действий — единственно эффективный для экстремистов в ситуации отсутствия у них военной мощи, которую можно было бы противопоставить военным силам Запада.

Однако Ж. Бодрийяр считает, что корни происходящего лежат не в сфере прагматики, а в области метафизики. Философ характеризует терроризм как своеобразный язык, посредством которого представители иной по своей сути цивилизации общаются со странами Запада и отвечают на меры, аутистичные его геополитической стратегии.

Террористический акт, по Бодрийяру, — это своеобразное послание, правильно расшифровать и понять которое способны немногие.

Философ предлагает не только неординарный ответ на вопрос о причинах роста террористического насилия, но и возможный выход из ситуации. Предлагаемое Бодрийяром решение выглядит весьма радикальным и трудно реализуемым, тем не менее оно может оказаться достаточно эффективным.

Чтобы продемонстрировать культурный механизм, активирующий террористическую агрессию, а также ее суть в целом, ее скрытое послание, Бодрийяр сравнивает два противоположных культурных алгоритма: так называемую симуляцию и «символический обмен»^[1]. Концепция симуляции^[2] отражает специфику европейской и американской культурной модели в представлении философа, а «символического обмена» — более архаичных культур. При этом мыслитель считает культурный алгоритм «символического обмена» базовым для любой культуры, более правильным и более жизнеспособным.

Чтобы понять принципы существования современной западной культуры, философ предлагает начать, как может показаться на первый взгляд, издалека — обратиться к анализу феномена ценности. Проблему ценности Ж. Бодрийяр освещает в лучших традициях постструктурализма и постмодернизма, опираясь на идеи К. Леви-Стросса,

Ф. де Соссюра, М. Фуко и др. Следуя логике данных философских течений, мыслитель связывает генезис ценностей с феноменом власти и проблематикой «Другого».

Ценности, согласно Ж. Бодрийяру, формируются в результате структурирования и кристаллизации властных отношений. Чтобы понять, как это происходит, необходимо учитывать, что базовой характеристикой ценности является ее всеобщность. На эту ее особенность указывали в своих трудах еще Г. В. Ф. Гегель и И. Кант. Концепт всеобщности же связан с властью следующим образом. Сущность власти заключается в противодействии, соперничестве и борьбе, т. е. в отрицании «Другого». В этом свете ценность может формироваться двояко. С одной стороны, получая власть, доминирующая сторона навязывает властвуемому выгодный ей общеобязательный образ мысли и действия. Однако это открытый антагонизм и открытое подавление, делающие власть шаткой, так как всегда могут возникнуть несогласные, желающие оспорить право на власть.

С другой стороны, механизм власти может быть реализован на порядок более тонко. При этом он может быть настолько неочевиден, что сами акторы власти будут убеждены, что действуют из соображений всеобщего блага. Механизм, о котором идет речь, базируется на том, что в мире, состоящем из уникальных и отличных друг от друга объектов и индивидуумов, единственное, что делает последних равными — это отличие. Все равны между собой в своей непохожести. Ценности же возникают в результате формирования идеи о принципиальной одинаковости всех людей (по ряду базовых параметров) и, как следствие, общих для всех пределах допустимого, картины мира, базовых алгоритмов мышления и действия и т. п. Однако всеобщее равенство, постулируемое и проектируемое некоторыми религиями, идеологиями и концепциями, в реальности недостижимо, потому формируется следующая структура действительности: представители власти формируют и внедряют в сознание масс ценности на свое усмотрение, при этом всеобщее равенство симулируется. Термин «симуляция» Ж. Бодрийяр понимает как создание своеобразной виртуальной реальности. Это не осознанный обман, призванный скрыть истину, это скорее сокрытие того факта, что истины не существует, но существует множество возможных равноценных вариантов виртуальной реальности, а если пользоваться терминологией Бодрийяра — игры. Истинные различия философ называет в рамках своей философской концепции «от-

личиями», а симулированные — «различиями». В ходе описываемого процесса всё, что подчеркивает виртуальную одинаковость, объявляется благом, а всё, что выявляет фундаментальную отличность индивидов друг от друга и антагонизм, лежащий в основе взаимоотношений индивидуума с «Другим», признается злом.

Таким образом, в своей политической философии Ж. Бодрийяр постулирует и изучает взаимосвязь проблемы зла с феноменом «Другого». По его мнению, в рамках диалектического понимания взаимодействия добра и зла именно «Другое» наделяется статусом Зла. В отличие от ситуации открытого антагонизма, этого «Другого» не избегают, не игнорируют и не уничтожают, его пытаются обратить на сторону добра. Согласно Ж. Бодрийяру, данная стратегия также представляет собой стратегию уничтожения, только в более тонкой форме. Однако после окончательного искоренения зла добром вступает в силу закон отрицания отрицания. Уничтожив зло, добро и само исчезает, поскольку существует только за счет природной амбивалентности. «Система, которая исключает любую инаковость, — утверждает мыслитель, — пожирает сама себя» [Baudrillard 1999: 80].

Однако, согласно Ж. Бодрийяру, этот процесс протекает лишь в виртуальном пространстве, в области идеального. Поэтому на практике зло всегда может взять реванш. Фактически разделение на добро и зло является абстракцией: мир делится на два «региона», один из которых объявляется менее полноценным и подчиненным в отношении ко второму. Целью же отныне становится достижение такого состояния, когда второй регион полностью исчезнет. Однако в реальности с тем, что объявляется злом, ничего не происходит. Кроме того, поскольку в действительности интересы индивидуумов, составляющих общество, различны и зачастую противоречат друг другу (следовательно, одновременно не могут быть удовлетворены), многие достаточно быстро теряют веру в добро либо начинают сомневаться в соответствии действующей системы принципам добра или даже стремиться ко злу.

Согласно Ж. Бодрийяру, для современной западной культуры характерно полное исчезновение «отличия» и замена его «различием», т. е. симуляцией инаковости, направленной в действительности на увеличение сходства. «Оказалось, — заключает Ж. Бодрийяр, — что Другой создан не для того, чтобы быть уничтоженным, отброшенным, совращенным, но для того, чтобы быть понятым, освобожденным, признанным. По-

сле прав Человека следовало бы учредить права Другого. Впрочем, это уже сделано: существует Всеобщее Право на Различие. В этой искусственной драматургии отличие исчезло отовсюду, но сам субъект стал мало-помалу индифферентен к собственной субъективности, к собственному отчуждению, совсем как современное политическое существо становится безразличным к собственному мнению. Это тот другой, что появляется после гибели Другого» [Бодрийяр 2000а: 105].

В работе «Прозрачность Зла» (1990 г.) Ж. Бодрийяр показывает, как фактическое противоборство Запада, в особенности США, с рядом стран третьего мира вуалируется посредством риторики «различия»: создается симулированная реальность, в которой в качестве целей военной экспансии в данных странах провозглашается распространение демократических ценностей и свободы или защита граждан западных стран от несуществующей агрессии.

Со временем представители «Других» цивилизаций выработали беспощадный и циничный и вместе с тем эффективный метод разрушения симулированной реальности — терроризм. Ж. Бодрийяр называет терроризм зеркалом системы ценностей западной цивилизации. Он отражает ее слабые места и обнажает основную проблему — невозможность воплощения идеала равенства на практике. Тотальная симуляция в рамках социально-политических процессов, характерная для современного западного общества, приводит к формированию полной невосприимчивости и равнодушию масс к любым сообщениям и смыслам и, как следствие, невозможности социально значимых событий. Терроризм, напротив, представляет собой Событие в чистом виде, еще не охваченное симуляцией и системой интерпретаций, которое не может пройти незамеченным.

Именно с точки зрения уязвимости системы в отношении терроризма Ж. Бодрийяр критикует концепцию «прав человека» — как одно из ее слабых мест. По мнению философа, из права на жизнь логически следует право на смерть, что делает это право абсурдным. Смерть и жизнь, согласно Ж. Бодрийяру, — это судьба, фатальность, поэтому они не могут быть объектом права. Специфику права он видит в том, что если нечто само собой разумеется, то всякое право становится излишним, но если в отношении той или иной вещи возникает необходимость установления права, то это означает, что сама эта вещь приближается к своей гибели. Таким образом, право имеет симулятивную природу.

Результатом возникновения прав человека, и в первую очередь права на свободу

слова, стало бурное развитие СМИ, которые являются, по мнению исследователя, настоящим магнитом для террористов. Эффективность терактов predetermined самой структурой массовой коммуникации, так как трансляция в СМИ увеличивает эмоционально-психологическое воздействие террористических актов в несколько раз.

Таким образом, терроризм является стратегией противодействия «зла» (как метафизического феномена) политике глобализации, которая является, как и все остальные специфически западные культурные феномены, воплощением принципа универсальности, стремлением к уничтожению «отличий» и насаждению «различий». Он также является «злым» зеркалом для СМИ, которые представляют собой аналогичное порождение принципа универсальности: информация должна быть доступна для всех. Кроме того, терроризм играет на демократических политических принципах, согласно которым политика должна быть прозрачной и доступной для влияния каждого. Таким образом, согласно идеалу демократии, она должна стать делом каждого, следовательно, каждый должен нести ответственность за любое политическое действие. Согласно этой логике, заложник является воплощением всей системы и вынужден искупать ее грехи. Кроме того, взятие заложников — это игра на принципе максимальной ценности жизни любого представителя западной цивилизации. Неспособность защитить эту высшую ценность демократического общества дискредитирует власть в глазах граждан.

Фактически терроризм можно назвать сравнительно новым способом ведения войны, вызванным к жизни метаморфозами самой западной цивилизации. Еще в 2001 г. Ж. Бодрийяр предсказал серьезные последствия возникновения подобного инструмента противостояния, способного повлечь за собой кардинальные изменения миропорядка, что мы и наблюдаем сейчас. Так, по мнению Ж. Бодрийяра, война США с Ираком, тоже представляющая собой симулякр, предварительно сконструированный с расчетом на медиа, замышлялась как противовес террористическому акту 11 сентября 2001 г. Она была до такой степени предсказуема, запрограммирована, придумана заранее, что не было необходимости вести ее на самом деле. Эта война была так называемым «ghostevent», псевдособытием. Формально она позиционировалась как выступление союзников для борьбы с общим врагом, однако на самом деле в ее основе лежало стремление аннулировать, затушевать произошедший теракт. Именно это стремление и придает войне с Ираком ее фантастический характер, поскольку

ку у нее нет цели, она не вызвана какой-либо необходимостью и не направлена против настоящего противника (Саддам Хуссейн в данном случае — не более чем фантом). Эта война, по прогнозу Ж. Бодрийяра, не будет иметь конца и места. Причина в том, что данный теракт создал атмосферу постоянной тревоги, поскольку был направлен против оснований современной демократии. И если она не будет вести эту превентивную виртуальную войну, призванную симулировать абсолютную безопасность, являющуюся неотъемлемой частью парадигмы системы, то рискует дискредитировать себя и погибнуть. Поэтому принцип «нулевых потерь», предохранения, устрашения, даже в ситуации отсутствия явной угрозы, т. е. особого рода террор, по мнению Ж. Бодрийяра, является стратегией, которая ожидает в ближайшем будущем всю планету. Мыслитель считал теракт в США 11 сентября 2001 г. моментом начала четвертой мировой войны, в которой глобализм был противопоставлен самому себе, что также во многом оказалось следствием наступившей медиакратии.

Можно спорить с Ж. Бодрийяром относительно отсутствия у данной войны прагматических целей, однако его предсказание дальнейшего роста глобалистских тенденций и разрастания экспансии Запада можно назвать пророческими. Предвидел исследователь и сопутствующую эскалацию террористического насилия.

В своих трудах Ж. Бодрийяр предлагает оригинальный и вместе с тем радикальный способ минимизации описанных выше тенденций. Собственно, терроризм является примером той стратегии, которая, по мнению философа, могла бы оказаться эффективной в противодействии ему самому. В чем же состоит эта стратегия? Террористический акт осуществляется, по мнению Ж. Бодрийяра, в соответствии с логикой «символического обмена» и открытого вызова.

«Символический обмен», согласно философу, — это антагонизм, уходящий в бесконечность, который не может быть ограничен с помощью властного дискурса добра, управляющего «Другим» посредством запрета на все негативное. Ж. Бодрийяр неоднократно заявлял в своих работах о ответственности и желательности логики «символического обмена» для любого социума, подчеркивая, что большинство первобытных общностей существовало именно в соответствии с этим алгоритмом.

В работе «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр характеризует такие первобытные общности «тотальностью» — полноценной включенностью всех и всего в общинную жизнь, которая оказалась воз-

можной благодаря неразличности бытия, отсутствию задаваемых структурой власти оппозиций. В таких обществах, безусловно, уже существовали некоторые оппозиции, как минимум — оппозиция мужское/женское или оппозиции родов, члены которых не могут вступать в брачные отношения, однако такая оппозиционность, по мнению Ж. Бодрийяра, исчезала во взаимной обратимости элементов оппозиции. «Обратимость дара, — утверждает Ж. Бодрийяр, — проявляется в отдаривании, обратимость обмена — в жертвоприношении, обратимость времени — в цикле, обратимость производства — в разрушении, обратимость жизни — в смерти, обратимость каждого языкового элемента и смысла — в анаграмме; всюду, во всех областях — одна и та же общая форма, форма обратимости, циклического обращения, отмены; всюду она кладет конец линейному характеру времени, речи, экономических обменов и накопления, власти. Всяду она принимает для нас форму истребления и смерти. Это и есть форма символического. Она не мистична и не структурна — она просто неизбежна» [Бодрийяр 2000б: 44].

Таким образом, в рамках логики «символического обмена» ничто не может закрепиться в определенном статус-кво, задержаться во времени и возвыситься надо всем остальным. Даже предки и женщины принимают участие в обмене. Это происходит в специально предназначенное время — время особых праздников или ритуалов, которые в антропологии называют ритуалами перехода или лиминальными состояниями. Суть «символического обмена», по Ж. Бодрийяру, состоит в возможности для любого человека вернуть символический долг, уклоняясь тем самым от попадания в поле действия власти. На стадии символического обмена еще нет власти и нет феномена ценности.

Существование общества в состоянии «символического обмена» философ называет социальным пактом, представляющим собой естественное взаимодействие «иных», еще не регулируемое какими-либо властными предписаниями, имеющее характер состязания, игры и взаимного вызова. На этой стадии власть еще разыгрывается прямо и открыто. Эта социальная игра обратимости прекращается с формированием диалектики господина и раба, где обратимость власти уступает место диалектике ее воспроизводства.

Единственным способом изменения текущей геополитической ситуации и противодействия терроризму Ж. Бодрийяр считал как минимум использование против террористов ироничных и реверсивных по своей сути символических стратегий, аналогичных

тем, которые используют они сами, а как максимум — перестройку всего западного общества в соответствии с логикой «символического обмена». Это означало бы пересмотр ряда базисных конструктов, на которые в настоящий момент нанизана «плоть» западной культуры, в частности, отношения к агрессии, толерантности, силе, безопасности, риску и многим другим феноменам.

На основе идей Ж. Бодрийяра ряд современных исследователей предложили варианты эффективной реакции на теракты и иные подобные символические действия. Так, по мнению С. Смита, их необходимо игнорировать (что означает, в том числе отказ от трансляции посредством СМИ), только тогда они станут бессмысленными. Очевидно, что данный вывод ученый сделал под влиянием концепции терроризма Ж. Бодрийяра, которой утверждает, что современные теракты рассчитаны на эффект СМИ. Г. Геноско же, напротив, считает, что необходимо изыскивать методы превосходящего по силе символического унижения и отвечать на каждый совершенный символический акт.

Точка зрения Ж. Бодрийяра на сущность террористического насилия как проявления логики символического обмена вызывает ряд вопросов. В частности, тот факт, что представители экстремальных течений исламизма действуют в рамках логики «символического обмена», выглядит весьма сомнительным, поскольку очевидно, что в основании данной религии лежит тот же императив всеобщности, что и в основании христианских конфессий. Другой вопрос, что, вероятно, для террористических организаций и их представителей религия является лишь ширмой, однако подобное камуфлирование своих истинных намерений еще больше сближает политику террористов с политикой государств Запада. Другое дело, что такое положение вещей еще больше располагает к противодействию терроризму в рамках логики символического обмена.

В свете вышесказанного антитеррористическая и геополитическая политика России выглядит достаточно удачной и эффективной, поскольку страна не скрывает истинных целей противостояния и не ослабляет себя имитацией гуманистических ценностей, которые в любом случае не реализуются в действительности. Можно сказать, что страна говорит с террористами на доступном им языке, тогда как ряду государств Запада еще только предстоит этому научиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. См.: [Бодрийяр 2000б]. В середине своей исследовательской деятельности Ж. Бодрийяр ввел в научный оборот понятие «сим-

волический обмен» (работа «Символический обмен и смерть»). Вслед за понятием «символический обмен» возникает целый ряд категорий, характеризующих процесс противостояния симуляции. Это «символический обмен», «соблазн», «зло», «другой», «фатальные стратегии», «экстремальные явления», «радикальное мышление». Суть «символического обмена» заключается в том, что существуют определенные принципы, силы, явления, способные эффективно противодействовать симуляции с разных сторон. Согласно теории символического обмена, любая система, в которой власть главенствующего элемента основана на невозможности для остальных элементов вернуть символический долг за получаемое от обладателя власти, рано или поздно будет уничтожена силами Зла и Соблазна, согласно принципу обратимости. Одним из ярчайших современных примеров средства такого уничтожения является терроризм.

[2]. Выявлено, что на формирование концепции симуляции Ж. Бодрийяра наибольшее влияние оказала идея симулякра Ж. Делеза. Ж. Бодрийяр, вслед за Ж. Делезом, определяет симулякр как копию, не имеющую оригинала, однако он углубляет концепцию Ж. Делеза, исследуя историческое и историко-политическое измерение феномена симуляции. В частности, Ж. Бодрийяр описал в терминах симуляции историческую эволюцию социально-политических систем и процессов, а для обозначения и характеристики ее этапов создал идею четырех порядков симулякров.

Собственно, симулякр, в понимании Ж. Бодрийяра, — это реальная, осязаемая модель существования целой эпохи. Так, симулякр первого порядка — это подделка вещи, которая ранее была абсолютно уникальна и могла иметь лишь одного обладателя; он возникает в эпоху Возрождения. Индустриальной эпохе соответствует симулякр второго порядка, или серийная вещь: в ней степень всеобщности и одинаковости возрастает. Симулякр третьего порядка — это знак без зафиксированного за ним означаемого, взаимодействующий с другими знаками соответственно предписаниям кода властных структур. Симулякр четвертого порядка — это также знак без референта, однако уже представляющий собой абсолютную сингулярность и совершенно неуправляемый.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. — М.: Научный мир, 2003. 372 с.
2. Барт Р. Мифологии. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
3. Бауман З. Социологическая теория постмодерна // Человек и общество: хрестоматия. — Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 1999. С. 255—267.

4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конечность социального. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 96 с.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. — М. : Добросвет, 2000а. 257 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М. : Добросвет, 2000б. 387 с.
7. Бодрийяр Ж. Система вещей. — М. : Рудомино, 1995. 184 с.
8. Бодрийяр Ж. Соблазн. — М. : AdMarginem, 2000в. 318 с.
9. Делез Ж. Различие и повторение. — СПб. : Петрополис, 1998. 384 с.
10. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. URL: http://www.highbook.narod.ru/philos/zizek_bomb.htm.
11. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. — М. : Интрада, 1998. 255 с.
12. Кутырев В. А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 3—19.
13. Лайт С. Радикализм Бодрийяра и политическая ставка нашей современности / пер. с англ. М. Е. Богдановой // Хора : журн. современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2009. № 2 (8). С. 109—122.
14. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. — М. : Советское радио, 1973. 159 с.
15. Baudrillard J. A la recherche du Mal absolu // Libération, Rebonds. — 17 février 2005a. P. 35.

S. V. Frants, V. A. Frants
Ekaterinburg, Russia

METAMORPHOSIS OF WAR: THE SILENT LANGUAGE OF “PURE” EVENTS

ABSTRACT. *In the light of recent tragic events connected with escalation of terroristic violence, the authors of the article dwell on some politico-philosophical ideas of the French philosopher Jean Baudrillard. Rapid growth of the number of terrorist attacks in the whole world fully corresponds to the predictions of the philosopher about the future of the Western civilization and its relationship with the Muslim world. In his philosophy, J. Baudrillard expresses an original point of view on the reasons of such state of things and possible ways of changing it. The existence of society in the state of “symbolic exchange” called by the philosopher a social pact representing natural interaction of “others” and not regulated yet by any legal regulations has the nature of contest, game and mutual challenge. At this stage power is contested for openly and directly. This reverse social game stops with the formation of dialectics of master and slave, where the reversion of power gives place to dialectics of its reproduction. According to J. Baudrillard, the only way to change the current geopolitical situation and to counteract terrorism is, at least, the use against terrorists of ironic and reverse symbolic strategies, which would be similar to those they use themselves and, at most, reconstruction of the whole Western society in correspondence with the logic of “symbolic exchange”. This would mean reconsideration of a number of basic constructs which now support the “flesh” of the Western culture, and in particular of relation to aggression, tolerance, power, security, risk and many other phenomena.*

KEYWORDS: *simulation; «Symbolic exchange»; terrorism; «other»; pure event; pseudo-event; evil; universality principle; authority; «the difference».*

ABOUT THE AUTHOR: *Frants Svetlana Viktorovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Sociology and Political Science, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Frants Valeriya Andreevna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Institute of State Government and Business, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Adorno T. V. Negativnaya dialektika. — М. : Nauchnyy mir, 2003. 372 s.
2. Bart R. Mifologii. — М. : Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2000. 320 s.
3. Bauman Z. Sotsiologicheskaya teoriya postmoderna // Chelovek i obshchestvo : khrestomatiya. — Kiev : In-t sotsiologii NAN Ukrainy, 1999. S. 255—267.
4. Bodriyyar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo. — Екатеринбург : Izd-vo Ural. un-ta, 2006. 96 с.
5. Bodriyyar Zh. Prozrachnost' Zla. — М. : Dobrosvet, 2000a. 257 с.
6. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. — М. : Dobrosvet, 2000b. 387 с.
7. Bodriyyar Zh. Sistema veshchey. — М. : Rudomino, 1995. 184 с.
8. Bodriyyar Zh. Soblazn. — М. : AdMarginem, 2000v. 318 с.
9. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. — SPb. : Petropolis, 1998. 384 с.
10. Zhizhek S. Dobro pozhalovat' v pustynyu real'nogo. URL: http://www.highbook.narod.ru/philos/zizek_bomb.htm.
11. Il'in I. P. Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya. Evolyutsiya nauchnogo mifa. — М. : Intrada, 1998. 255 с.
12. Kutyrev V. A. Filosofiya inogo, ili Nebytiynnyy smysl transmodernizma // Voprosy filosofii. 2005. № 12. S. 3—19.
13. Layt S. Radikalizm Bodriyyara i politicheskaya stavka nashey sovremennosti / per. s angl. M. E. Bogdanovoy // Khora : zhurn. sovremennoy zarubezhnoy filosofii i filosofskoy komparativistiki. 2009. № 2 (8). S. 109—122.
14. Lefevr V. A. Konfliktuyushchie struktury. — М. : Sovetskoe radio, 1973. 159 с.
15. Baudrillard J. A la recherche du Mal absolu // Libération, Rebonds. — 17 février 2005a. P. 35.
16. Baudrillard J. Entretien sur la dualité des mondes // Rue Descartes. — 2005b. № 49 (3). P. 68—81.
17. Baudrillard J. L'intelligence du Mal // Internet Journal of Baudrillard Studies. 2005c. Vol. 2, N. 2. URL: http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol2_2/mal.htm.
18. Baudrillard J. La violence de mondialisation // Le Monde diplomatique. 2002. Nov. P. 18.
19. Baudrillard J. L'Autre par lui-meme. — Paris : Galilée, 1987. 98 p.
20. Baudrillard J. Le masque de la guerre // Libération. — 2003. Lundi, 10 mars. P. 8.

21. Baudrillard J. Le Paroxyste indifferent. — Paris : Grasset, 1997. 203 p.

22. Baudrillard J. L'Échange impossible. — Paris : ÉditionsGalilée, 1999. 189 p.

23. Genosko G. Baudrillard and Signs: Signification Ablaze. — London : Routledge, 1994. 197 p.

24. Genosko G. The Spirit of Symbolic Exchange: Jean Baudrillard's 9/11 // IJBS. 2006. Vol. 3, N. 1. URL: http://www.ubishops.ca/audrillardstudies/vol3_1/genosko.htm.

25. Smith J. The Gnostic Baudrillard: A Philosophy of Terrorism Seeking Pure Appearance // IJBS. 2004. Vol. 1, N. 2. URL: http://www.ubishops.ca/audrillardstudies/vol1_2/smith.htm.

26. Smith S. «Furious Envy»: Baudrillard and the Looting of Baghdad // IJBS. 2006. Vol. 3, N. 2. URL: http://www.ubishops.ca/audrillardstudies/vol3_2/smith.htm.

Статью рекомендует к публикации д-р социол. наук Е. В. Прямикова.